

ДУХОВНАЯ ТРАДИЦИЯ ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН В СОВРЕМЕННОМ ВОСПИТАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ

Т.Н. Сыманович

УО «Мозырский государственный педагогический университет
им. И.П. Шамякина»

Социокультурная ситуация на постсоветском пространстве в настоящее время демонстрирует целый спектр серьезных противоречий во взаимодействии человека с обществом и миром. Тотальное наступление массовой культуры, кризис института семьи, манипулирование человеком со стороны различных социальных групп, возрастание разрушающего воздействия на окружающую среду – все это заставляет ученых все настойчивее говорить о социальном кризисе современного человека. Кроме того, глобализация экономических процессов, сопровождающаяся периодическим возникновением кризисных явлений, усугубляет трудности в воспитании подрастающего поколения. Изменение целевой и содержательной сторон образования выводит на первый план формирование активной, творческой, самостоятельной личности, имеющей установку на постоянное самосовершенствование, «самостроительство». В этой связи принципиально важной исследовательской задачей становится изучение мира человеческих ценностей, которые выступают ориентиром в саморазвитии индивида, формировании его как действующего существа.

В последние десятилетия именно ценностная сфера личности в наибольшей степени пострадала от сомнительных новаций глобализации и массовизации общества. Поэтому педагогическая «реставрация» системы ценностей молодежи, реальный возврат в педагогической практике к традиционным ценностям восточнославянских народов является необходимым и оправданным с точки зрения благополучного развития общества и преодоления кризисных явлений в образовании.

Развитие системы образования как базисного социального феномена во многом определяется тем, какие мировоззренческие установки выступают ориентирами этого процесса. Как справедливо отмечает Т.В. Сохраняева, «ценности образования всегда являются выражением существующего образа мира и ментальности, а идеал образованности, характерный для того или иного типа общества, – выражением культурного стереотипа» [1, 49]. Для того, чтобы общество могло сохранить свою уникальную культуру, не потерять внутренний творческий потенциал развития, должна происходить передача духовных, ценностных ориентиров, на которых держалась восточнославянская цивилизация на протяжении своей истории.

Основу ментальности и ценностного мира восточных славян составляет православие. С приходом христианства на земли Киевской Руси в сознании наших предков постепенно утверждалась мысль о том, что христианская идеология – универсальный инструмент духовного постижения жизни и одновременно надёжный метод практического ориентирования в окружающем природном и социальном мире [2, 87]. Новая религия позволила отдельному человеку и обществу увидеть перспективу социально-культурного развития, духовного роста, нравственного совершенствования. Как справедливо отмечал А.Н. Пыпин, христианское вероучение представило древнерусскому человеку первый цельный кодекс космогонии и нравственности [3, 67]. Новая религия принесла нравственные заповеди, звучащие не только в запретительном (чего не стоит делать), но и в положительном плане (как надо поступать). Моральные законы христианства обращены, прежде всего, к внутреннему миру индивида, к совести человека. Личность взывается к нравственной ответственности, она должна делать сознательный выбор между двумя мировыми силами. Н.Д. Никандров подчеркивает, что из десяти евангельских заповедей «первые четыре устанавливают отношения человека с Богом, а следующие шесть – взаимоотношения между людьми» [4, 5]. В итоге меняется представление человека о самом себе, о его месте и назначении в мире, об отношении к другим людям. Всё это явилось мощнейшим импульсом развития морально-этической мысли восточных славян в последующие исторические периоды.

В христианской парадигме воспитывается «культура совести», внутренней ответственности человека за свои действия. К.Д. Ушинский

писал: «Современная педагогика исключительно выросла на христианской почве, и для нас нехристианская педагогика есть вещь немыслимая – безголовый урод и деятельность без цели, предприятие без побуждения позади и без результатов впереди» [5, 54].

Духовное наследие восточнославянских земель представляет нам целостную систему этико-педагогических взглядов о месте человека в мире, среди людей и, самое главное, – о смысле человеческой жизни. Основные педагогические универсалии, являющиеся стержнем нашей духовной культуры, были сформированы в период Киевской Руси – время политического и духовного единства восточных славян.

Древнерусские просветители в качестве ключевой ценности воспитания провозглашали человеколюбие. Феодосий Печерский в «Слове и терпении, и о любви, и о посте» пишет о том, что нравственный (т.е. боголюбивый) человек всегда желает добра тому, кто рядом [6, 156–157]. Мало только испытывать чувство любви к ближнему и рассуждать о человеколюбии, необходимо подкреплять это реальными поступками, ведь «любовь к Богу не в словах совершается, а в действительных делах» [6,157]. Феодосий Печерский приводит слова Соломона о том, что «братья те, кто в беде помогают друг другу» [6, 98]. Подлинное человеколюбие не может носить избирательный характер. Любовь к ближнему должна являться не только основным качеством нравственной личности, но и основой, на которой строятся отношения между людьми. Феодосий делает акцент на том, что любовь к ближнему – это то, на чём держится весь окружающий мир, ведь «любви ради и грехи исчезают, любви ради и Господь сошёл на землю и распял себя ради нас грешных» [6, 158]. Этот тезис мыслителя имеет большое воспитательное значение, т.к. он убеждал своих современников в том, что любовь к ближнему – это не только доброе отношение к близким и незнакомым людям, она предполагает и недопущение ненависти к врагам. Многие просветители обращали внимание на то, что человеколюбие проявляется и в защите обижаемого. Владимир Мономах полагал, что нравственного человека характеризует то, что он «не позволяет сильным погубить человека» [6, 166]. И далее мыслитель призывает потомков: «ни правого, не виноватого не убивайте и не приказывайте убить его; если будет он достоин смерти, то не губите ни одной христианской души» [6, 166]. В этико-педагогической мысли Киевской Руси подчеркивалось значение и таких педагогических ценностей, как кротость и смирение. В «Послании пресвитеру Фоме» Климент Смолятич отмечает: «...да будет моя тёмная душа, как та вдовица, и да вбросит она два медяка в святилище: от плоти – целомудрие, и от души – смирение» [6, 185]. Выработка этих качеств весьма актуальна для повседневной жизни, ведь в представлении средневекового человека служение Богу не унижает, а возвышает и спасает индивида [6, 271]. Человек кроткий и смиренный в состоянии усмирить и своё тело, и свой ум, что в конечном итоге подвигнет его на добрые дела.

В связи с этим Владимир Мономах в «Поучении» призывает: «Лишаемый – не мести, ненавидимый – люби, преследуемый – терпи, хулимый – моли, умертви грех» [6, 165]. Без кротости и смирения невозможно прощение, только человек смиренный может преодолеть соблазн отмщения, стать выше обиды. Именно поэтому «кроткие же наследуют землю и будут наслаждаться миром» [6, 164].

Следующей ключевой ценностью древнерусского общества провозглашалось просвещение. Именно из Византии пришло на Русь представление о единстве обучения и воспитания. Иоанн Златоуст говорил о «любомудрии», которое включало в себя и познание созданного Творцом мира, и «размышление о духовных предметах..., слушание и изучение слова Божия..., устремленность к добрым делам» [7, 126]. Кирилл Туровский акцентировал внимание на необходимости сохранения «чистоты ума» [6, 212]. Вера даёт возможность созерцать истину, очищает «естественный разум» и возводит его до «разума духовного», не отягощенного ничем земным. Нравственное знание, полагал мыслитель, можно получить из святых книг. Но божественное слово не всегда явно, а потому необходимо прибегать к разуму, просвещению. Разум нуждается в строгом контроле, так как «грех есть духовный груз» и «не достигнут цели слова грешника, лишённые благодати Святого духа» [6, 197]. Разум, не направленный на служение высшим духовным ценностям, приводит к тому, что человек начинает думать о суетном, о мирском. Поэтому одним из требований к организации нравственного воспитания выступает стремление уравновесить разум и знание истиной церкви, верой. «Познавай веру», – такова теологическая формула Кирилла Туровского. Просвещение даёт возможность выйти на первый план внутренней духовности человека, что позволяет ему эффективно бороться со своими слабостями, а также определиться с выбором необходимых средств нравственного совершенствования. Кирилл Туровский напрямую связывал уровень просвещённости индивида с возможностью его духовного роста, ведь «царь же – ум, обладающий всем ... если он добр, кроток и милостив – изыскивает всё необходимое для тела... заботится о своих людях» [6, 204]. Мыслитель подчёркивал, что нравственное развитие личности может иметь место только тогда, когда «пригоден разум» [6, 195].

Просветитель Иоанн экзарх болгарский обращал внимание на взаимосвязь морального знания и знания об окружающем мире вообще. Познание окружающего мира помогает постичь «премудрость и силу Творца», утвердиться во мнении, что всё в мире строится и движется на основе всеобщего морального закона любви, любви людей друг к другу и к окружающему миру. Философ полагает, что познание мира возможно только с позиции веры. В «Шестоднев» мы читаем: «...через видимое восходим к невидимому...благодаря вере можем увидеть Премудрость» [6, 249].

Особое место в этико-педагогической мысли восточных славян древнерусского периода занимало требование построения процесса воспитания на общинных началах и актуальность коллективизма в системе ценностей конкретного человека. Во многом придание воспитанию общественного характера вытекает из сущности христианского вероучения. «Одной из основных черт христианства было то, что оно выставило руководящей нитью в жизни человека не его личное счастье, а счастье общества. Справедливость для всех, признание равноправия всех людей, прощение обид ...» [8, 235]. Православие на восточнославянских землях учредило культ человека соборного. Это отчётливо прослеживается в «Житии Ефросинии Полоцкой», где речь идёт о том, что просветительница всем своим образом жизни проповедовала единство людей в добре и противостояла вражде, ненависти, розни. «... Ни хотяше бо видети никого же котороющая: ни князя со князем, ни бояри с боярином, ни служанина служанином» [6, 78]. В житийной литературе Древней Руси лейтмотивом проходит мысль о том, что индивидуально человек достичь морального совершенства не может. Лишь в коллективе возможно максимальное раскрытие всех граней личности; именно в коллективе человек учится сочувствию, состраданию, ответственности; пропускает через собственное «я» убеждение в том, что отношение к другим людям должно быть таким же, как и к самому себе. Владимир Мономах рассматривал добротворчество, полезный для общества труд как в качестве одного из главных показателей моральности человека, так и в качестве необходимого условия его нравственного развития [6, 167]. Гражданскую активность Мономах противопоставляет ревностному исполнению церковно-монастырских установлений. С его точки зрения, тот, кто «терпит ... одиночество, черничество, голод – лишние люди» [6, 167].

Этико-педагогическая мысль восточнославянских земель X–XIII вв. демонстрирует огромный воспитательный потенциал семьи, ее принципиальную педагогическую ценность в духовном развитии общества и конкретного человека. Ещё Иоанн Златоуст отмечал большую социально-педагогическую функцию семьи. В работе «О воспитании» философ пишет: «Под долгом воспитать детей я понимаю не только то, чтобы не допустить им умереть с голоду... Для этого не нужно ни книг, ни постановлений: об этом весьма громко говорит природа. Я говорю о стремлении образовать сердца детей в добродетели и благочестии, – долг священный, которого нельзя преступить, не сделавшись виновным в некоторого рода детоубийстве» [7, 3]. В христианской этике главным лицом в семье является отец. Именно он несёт ответственность за свою семью: «Отец – это тот, кто осознаёт, что молитвой, скорбями, терпением он призван к искуплению грехов рода» [7, 111]. В педагогических представлениях народа отец, глава родового клана, также выступает

ключевой фигурой в воспитании. Нужно отметить, что восточные славяне рассматривали свой дом, свою семью и как родовое гнездо и как крепость, и как храм. От него начались все линии жизни человека и к нему же, в конце концов, возвращались. Привязанность к дому, семье напрямую ассоциировалась с преданностью своей земле, Родине.

Практически во всех произведениях педагогической направленности Древней Руси речь идёт о том, что дети должны уважать своих родителей, помогать им, для детей главное – их сыновний долг. Авторы «Физиолога», описывая то, каким должно быть отношение детей к родителям, приводят пример из мира природы: «...когда птицы не могут летать...выходит один из птенцов и приносит пищу родителям своим, пока они не оперятся и не взлетят обе... Так и ты, человек, всегда заботься о родителях своих» [6, 214]. «Повесть об Акире Премудром» делает акцент на охранительных функциях семьи, ведь родственные связи делают человека более защищенным в мире [6, 142]. Большое значение имеет педагогическое воздействие родителей на детей: «Как и члены телесные наших детей в час рождения повиваются, чтобы крепче, прямее были и твёрже, так изначала нам следует и детский характер направлять» [7, 74]. Именно от родителей зависит будущее детей, их характер. Ответственность за дурные наклонности, пороки детей возлагается на родителей. Учительная литература Киевской Руси часто апеллировала к словам Иоанна Златоуста о том, что «те родители, которые не радуют о душе детей, хуже детоубийц, потому что убийца только тело отделяет от души, а те и душу и тело ввергают в вечный огонь» [7, 4]. Иоанн Златоуст утверждал, что «для того Бог и вложил в родителей любовь к нам, чтобы в них мы имели наставников в добродетели» [7, 781]. Родители должны быть терпеливы, и усердны в воспитании своих детей. Ведь «яко бо кто всеет, тако и пожнёт» [6, 137].

Ключевой духовной ценностью восточных славян также являлось «самовластие души» человека, или свобода воли. Индивид всегда имеет выбор – как поступить, «своей волей совершает поступки, ведущие к добру или злу, правде или неправде» [9, 45]. Необходимо отметить, что попытки разделить свободу воли и фатум встречаются еще в языческой идеологии. Характерный для восточнославянской мифологии взгляд на жизнь был обусловлен представлением о том, что Судьба и Случай нераздельны. Роженицы и Макошь в изображении древнерусского мифа были пряжами, которые пряли нить человеческой судьбы, предопределяя от рождения будущее ребенка [10, 39]. Однако при этом нельзя считать наших предков абсолютными фаталистами. Мифологическое сознание восточных славян допускало, что при особых обстоятельствах возможно свидание человека с своей Долей или Недолей. От человека зависит, сможет ли он укорить нерадивую Долю и уйти от Недоли. Следовательно, индивид не пассивный наблюдатель, «он – соработник Судьбы» [10, 41].

В языческом обществе воля богов не исключает воли человека: он сохраняет свою самостоятельность и может действовать независимо от них. Воля, проявление свободы индивида должны быть обращены к добру как в его коллективном, родовом понимании, так и в личном.

В христианской этике идея свободы воли человека занимает одно из ключевых мест. По мнению исследователя христианства Оливье Клемана, свобода является орудием нравственного совершенствования, способом действия [8, 179]. Митрополит Илларион придавал «самовластия души» большое воспитательное значение, т.к. оно как бы корректирует, поправляет фатум. В «Слове о законе и благодати» Иллариона фатализм понимается по-особому. Предопределение способствует не пассивности, а активности личности, освобождению ее творческих задатков. Не следует бояться фатума, ведь уверовавшие в Христа ожидают любви и помощи Всемогущего. Он должен быть терпим к возможным человеческим слабостям: ведь «в Его силах избавить от них человечество» [6, 111–112]. Авторы «Пчелы» рассматривали как экстравертный, так и интравертный характер «самовластия души» человека. В разделе «О жизненной добродетели и злобе» речь идет о том, что волевые усилия для достижения добродетели нужно направлять как вовнутрь, преодолевая собственные греховные побуждения, так и вовне, поскольку добродетельная жизнь индивида может стать примером для других. Нравственный человек способен преобразить, улучшить окружающий мир: «Пусть не прельстят тебе мужи нечестивые, не ходи с ними по пути, но отклони свои ноги от дорог, ибо ноги их на злое бегут...» [9, 54], «Не место делает добродетельным, но добродетели место украшают» [9, 46]. Благодаря интравертному характеру «самовластия души» возможно самовоспитание личности. Истинная свобода – внутренняя, и человек в любом положении может и должен чувствовать себя свободным: «если хочешь вне рабства быть, освободись от рабства, будешь свободен, если освободишься от желаний» [9, 57]. По мнению Владимира Мономаха, свободное волеизъявление человека проявляется в совершении им добрым делом, в труде, в служении на благо Отчизне. Кроме того, «самовластие души» даёт основание напрямую обращаться к Богу с молитвой о спасении. Мономах утверждал, что между Богом и человеком не должно быть посредников [6, 137]. Философ призывает: «Послушайте меня, аще не всего примете, то половину» [6, 136]. Индивид сам выбирает свою форму обращения к Богу и волен самостоятельно определить для себя пути и средства духовного совершенствования. Такой подход существенно расширяет простор для нравственной эволюции личности, делает разнообразнее палитру средств её морального роста, при этом наделяя индивида большой долей ответственности за свой образ жизни, поступки и т.д.

Таким образом, на протяжении длительной истории восточнославянских народов внимание и помыслы представителей духовной культуры были сосредоточены на поиске и обосновании идеалов, ценностных устоев, которые в своей основе отражают устремленность личности к свободе, гуманизму, всесторонней и полноценной самореализации достоинств и собственных духовно-нравственных приоритетов. Сегодня свобода личности, ее «самовластие», воспроизводство духовного и нравственного потенциала обретают статус ключевого фактора в реализации социальных инициатив, всеобщей поддержки всей совокупности конструктивных действий в сфере экономики, политики, науки, культуры и образования. История учит, что ценностные доминанты восточнославянской педагогической традиции не должны быть утрачены в процессе взаимодействия с другими культурами в новом глобальном мире.

Список использованных источников

1. Сохраняева, Т.В. Ценности образования на фоне меняющегося образа человека / Т.В. Сохраняева // Социально-гуманитарное знание. – 2002. – № 6. – С. 48–64.
2. Буганов, В.И. Бунтари и правдоискатели в русской православной церкви / В.И. Буганов, А.П. Богданов. – М.: Политиздат, 1991. – 526 с.
3. Пыпин, А.Н. История русской литературы / А.Н. Пыпин. – СПб: Тип. М.М. Стасюлевича, 1898. – Т. I. – 484 с.
4. Никандров, Н.Д. Нравственные уроки православия // Педагогика. – 1997. – № 3.
5. Ушинский, К.Д. Человек как предмет воспитания. Опыт педагогической антропологии / К.Д. Ушинский // Собр. пед. соч.: В 6 т. – М.: Педагогика, 1990. – Т. 5. – 528 с.; Т. 6. – 528 с.
6. Феодосий Печерский. • Вопрос князя Изяслава к Феодосию // Златоуст. Древняя Русь X–XII вв. – М.: Молодая гвардия, 1990. – С. 156–159.
7. Иоанн Златоуст. О воспитании. – М.: Паломник. – 903 с.
8. Клеман Оливье. Вопросы о человеке // Русское зарубежье в год тысячелетия крещения Руси. – М., 1990. – С. 234–256.
9. Адрианова-Перетц, В.П. Человек в учительной литературе Древней Руси / В.П. Адрианова-Перетц // Труды Отдела древнерусской литературы ин-та рус. лит. Акад. наук СССР. – Л.: Наука, 1972. – Т. 27. – С. 3–68.
10. Забияко, А.П. История древнерусской культуры / А.П. Забияко. – М.: Интерпракс, 1995. – 304 с.
11. Замалеев, А.Ф. История русской философии / А.Ф. Замалеев. – М., 1996. – 458 с.